

«МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-27-34

© О. Л. ФЕТИСЕНКО

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ: ВРАЧ, ПИСАТЕЛЬ, ПАЦИЕНТ

Писатель, мыслитель, публицист, дипломат и врач К. Н. Леонтьев (1831–1891) еще в молодости сказал в письме к матери, что медицина — его «нелюбимая жена» (любимая — литература),¹ и позднее подтвердил в автобиографических записках «Моя литературная судьба» (1874): «Она всегда тяготила меня, и я от нее освободился при первой возможности» (6, 1, 28), но, тем не менее, справедливо считается, что именно изучение медицины и «влияние естественнонаучного детерминизма»² формировали сам способ мышления Леонтьева,³ особенно в его политической аналитике, а медицинская терминология «подсказывала» яркие образы вроде поставленного им современному человечеству в статье «О всемирной любви» (1880) психиатрического диагноза: эпидемическое умопомешательство «*mania democratica progressiva*» (9, 213). Кроме того, именно медицина в свое время помогла Леонтьеву, по выражению И. С. Тургенева, его тогдашнего литературного наставника, «броситься в жизнь» (6, 1, 59).

Стать врачом Леонтьева заставили два обстоятельства. Во-первых, трудное положение настаивавшей на выборе именно такой профессии матери, у которой он был седьмым, последним, ребенком. Ф. П. Леонтьева резонно полагала, что хороший врач сможет обеспечить себя лучше, чем обедневший помещик. К чиновничьей же службе у нее, по семейной традиции, было большее отвращение (в доме ее матери чиновников именовали не иначе как «приказными», что в XIX столетии звучало однозначно уничижительно⁴). Второй причиной было ограничение приема в 1849 году на все факультеты Московского университета, кроме медицинского.

Леонтьев сначала тяготился учебой. (О том, как она протекала, мы знаем по его мемуарному очерку «Воспоминание о Ф. И. Иноземцове и других московских докторов 50-х годов» (1882), а отчасти можем судить по воспоминаниям его однокашников, таких как И. М. Сеченов и Н. А. Белоголовый, опиравших, какие предметы кто преподавал и на каком курсе, как принимались экзамены и т. д.⁵) На третьем курсе Леонтьев даже «не сдал экзамена и остался на второй год» (6, 2, 29). Это произошло осенью 1852 года. Четвертый курс, где было больше клинической практики, вызвал его интерес. В те же годы укрепилось и увлечение Леонтьева физиологией, френологией, краниоскопией, возникшее чуть ранее.

¹ *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. Т. 11. Кн. 1. С. 61. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома, книги и страницы.

² *Котельников В. А.* Константин Леонтьев. СПб., 2017. С. 43.

³ Подробнее см.: *Хатунцев С. В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.

⁴ Многочисленные примеры можно найти в дневнике бабушки Леонтьева (Дневник А. Е. Карабановой, 1819–1827 / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. М., 2020).

⁵ См.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 284–294, 319–321.

Началась Крымская война, в отличие от того же Белоголового Леонтьев откликнулся на предложение досрочного выпуска в мае 1854 года с поступлением в военные лекари. Получил назначение в Белевский полк, находившийся тогда на Кавказе, но сразу добился перевода младшим ординатором в Керчь-Еникальский военный госпиталь.

О военно-медицинской службе Леонтьева мы знаем только с его слов — из его мемуарно-автобиографических произведений и из писем к матери из Крыма, имевших характер дневника,⁶ и можем дополнить эту картину мемуарными и публицистическими свидетельствами его современников врачей,⁷ единодушно отмечавших тяжелые условия, отсутствие самых необходимых лекарств и инструментов. Именно поэтому Леонтьев позднее будет говорить: «...иллюзия нашей военной медицинской практики» (6, 1, 66).⁸ На врача лежала огромная ответственность. Впоследствии Леонтьев охарактеризует ее так: «...власть <...> — одна из самых мощных, одна из самых жестоко ответственных перед собственной совестью и из самых безответственных и перед внешним законом, и перед мнением людским» (6, 2, 69–70). Доходило до того, что в его «почти бесконтрольном распоряжении» бывало «до 250 коек» (6, 2, 70). Леонтьев продолжал занятия по привезенным с собой книгам, просил присылать и другие (см.: 11, 1, 41–42, 59, 137). Скоро он «стал лечить недурно и часто удачно» (6, 1, 28), радовался, когда начал уверенно делать ампутации.⁹ Написал две научные статьи — «Fungus durae matris у гипохондрика» и «Острое воспаление селезенки (Lienitis acuta)» (при жизни была опубликована вторая; см.: 7, 2, 271–273, 282–286). Свообразными «каникулами» было прикомандирование к Донскому казачьему полку. Затем снова возвращение к госпитальной службе, опять недолгое время у казаков и вновь госпитальная рутинная.¹⁰ Последние месяцы, уже после заключения мира, он всеми силами уклонялся от службы, добиваясь отпуска, а потом и отставки.

Больше всего Леонтьева привлекала практика домашнего врача в богатом имении. Так он жил у И. Н. Шатилова в Тамаке, большом имении в восточном Крыму, сразу после войны. Лечил крестьян и окрестных помещиков, изучал орнитологию по домашнему музею Шатилова, занимался в его библиотеке. Тут, как вспоминал он потом, был «виден результат, <...> было меньше иллюзии» (6, 1, 67). Ради подобной жизни Леонтьев отказался потом от лестного для любого молодого врача предложения Ф. И. Иноземцова работать с ним и после недолгих поисков стал врачом в имениях барона Д. Г. Розена и А. Х. Стевена (Штевена, сына директора Никитского ботанического сада, с которым Леонтьев был знаком), а также стал наставником детей Розенов. От этого времени сохранились несколько рапортов в Нижегородскую врачебную

⁶ Небольшая выборка из этих писем была опубликована в девятом томе изданного прот. И. И. Фуделем собрания сочинений Леонтьева (СПб., 1914. С. 155–186), в полном объеме (включая и ранее не переводившиеся с французского) они вошли в первую книгу одиннадцатого тома ПССиП.

⁷ См., например: *Л-ский И.* Впечатления военного врача в Крымскую кампанию // Русский вестник. 1873. Июль. С. 259–295.

⁸ Ср.: «Офицеры необходимее для отчизны... Они полезнее в такое время; убивать и быть убитым *вернее*, гораздо *вернее*, чем лечить и спасать. В битве нет иллюзии; чем больше у нас своих храбрых воинов, тем больше мы убьем и прогоним чужого народа; а медицина? Я исполнял свой долг в больнице, как умел, но я *мало верил* в серьезный результат наших тогдашних докторских трудов» (6, 1, 647).

⁹ Известна даже точная дата первой — 23 января 1855 года (11, 1, 46). В автобиографических записках Леонтьев вспоминал: «Я сделал в первую же зиму 7 ампутаций; — из этих людей — умерло 3-е, а 4 ушли домой здоровые; — эта пропорция для воздуха тесных больниц и изнуренных скорбутом, ранами и лихорадкой людей — очень хорошая» (6, 1, 63).

¹⁰ География его перемещений по Крыму: Ени-Кале — служба в полку на аванпостах — Феодосия — Карасу-Базар — Феодосия — казачий полк — Симферополь.

управу, обнаруженных Д. В. Гуциным (см.: 10, 1, 7–10), и любопытное письмо Леонтьева к Ф. И. Иноземцову от 18 февраля 1860 года, в котором он советуется с учителем, ранее консультировавшим баронессу, правильно ли он подобрал для нее метод лечения геморроя (11, 1, 229–230). Пытался Леонтьев не забывать и о научной работе, написал проект «учебницы естествоведения в Крыму», одобренный министром, но сданный в архив (в свое время мне удалось его отыскать в РГИА, где документ так и продолжал значиться как принадлежащий «лекарю Леонтьеву» — без инициалов; см.: 7, 2, 286–324, 942–945). В те же годы Леонтьев закончил автобиографический роман «Подлипки». Служба у богатых и влиятельных помещиков подтверждает лучше всего, что Леонтьев был хорошим врачом. Если они не заменяли его другим (а эта возможность всегда у них была), значит, его уровень и талант их устраивали.

Затем была неудачная попытка обосноваться в Петербурге, занимаясь литературным трудом, десятилетие дипломатической службы, религиозное обращение, год на Афоне, отставка и жизнь в Константинополе и на о. Халки. Кстати, через год после отъезда со Святой Горы, узнав, что там появилась холера, Леонтьев в письме к старцу Макарию давал советы, какие меры предосторожности нужно предпринять (см.: 11, 1, 369–370).

Вернувшись в Россию летом 1874 года, Леонтьев довольно большую часть времени проводил в своем имении Кудинове. По старой памяти к доктору за помощью стали обращаться крестьяне.¹¹ Сохранились воспоминания М. В. Леонтьевой (племянницы) об этом. «Медицину он терпеть не мог, т. е. именно свою невольную профессию. — Но к больным относился с искренним состраданием, а пустой чувствительности к ним ни в ком не терпел. — К серьезно больным он необыкновенно был добр; не говоря о медицинской помощи, лекарствах, — он просто помогал им матерьяльно. — Если бы были средства — в Кудинове, конечно, была бы устроена больница. <...> А вот причитанья баб над больными К. Н.—ч не выносил; <...> он внутренно очень жалел больного, но не показывал этого» (6, 2, 134–135). М. В. Леонтьева рассказала подробнее лишь об одном случае — когда Леонтьев два месяца лечил от тяжелого ревматизма 12-летнего мальчика, и это закончилось полным исцелением.

Чтобы помощь была более основательной, легальной и позволяющей пациентам получать бесплатные лекарства, Леонтьев обращается к Мещовской уездной врачебной управе. Сохранился датированный 23 июня 1876 года ответ о разрешении ему врачебной практики:

«Господину лекарю Константину Николаевичу Леонтьеву

На заявление Ваше от 4 сего июня Мещовская уездная управа имеет честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что предложение Ваше касательно лечения лиц, приходящих к Вам, Управа с благодарностью принимает и что необходимые лекарства будут отпускаться из земской лечебницы бесплатно по Вашим рецептам, лекарства можете получать чрез посредство члена Управы Афонькина, проживающего в селе Щелканове, или чрез фельдшера Щелкановского участка, а равно чрез всякое лицо, уполномоченное Вами».¹²

А осенью 1877 года Леонтьев, находившийся в полном безденежье, чуть было не стал земским врачом. В Мещовском земстве, где у него было много старых знакомых, обещали поддержку. Но когда Леонтьев узнал, какие условия ему предлагаются (жизнь в городе, разъезды по уезду и проч.), он отказался, поскольку это было несовместимо с занятиями литературой, которая, как мы помним, была у него «любимой женой». Это стало последним эпизодом биографии Леонтьева-врача.

¹¹ «Крестьяне соседние вспомнили меня и ходят ко мне лечиться», — писал Леонтьев К. А. Губастову 1 октября 1875 года (11, 1, 465).

¹² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 69; подготовка текста И. М. Черваковой.

Однако медицинские знания впоследствии пригодились ему и на другом поприще — цензорском. В Московском цензурном комитете, где он служил с конца 1880-го по февраль 1887 года, ему стали поручать на рассмотрение монографии, учебные пособия и брошюры на медицинские темы (см., например: 10, 2, 162, 166, 168–170, 174–177).

Но любой врач — прежде всего человек, и не раз бывает и пациентом. О пациенте Леонтьеве тоже известно немало. Начнем с того, что он родился семимесячным, и только народная медицина помогла его выводить: «Опасаясь за его жизнь, его в первые дни после его рождения подвешивали, завернув в заячью шкурку, к потолку бани, пока он не окреп».¹³ В 17 лет юноша едва не умер от холеры 1848 года. «Доктор решил, что он не встанет» (6, 2, 140), — передавала позднее семейную историю племянница Леонтьева. И опять-таки «вылечил его крестьянин лекарь-самоучка» (6, 2, 140). Быть может, здесь причина того, с какой симпатией и добрым юмором Леонтьев опишет в повести «Лето на хуторе» деревенского лекаря — отпущенного на волю дворового Михайлу Григорьева (выучившегося по «тетрадкам» врача, у которого когда-то 10 лет жил в услужении). Он лечит «от всех болезней» (1, 100), смиренно признаваясь: «натомии не знаю», «лечу <...> с упованием» (1, 109).

В юности Леонтьев, по собственному признанию, «беспрестанно был нездоров» (6, 1, 27), у него начиналась чахотка, в Москве он уже кашлял кровью. Затем он практически исцелился в Крыму,¹⁴ но какие-то проблемы с дыхательной системой остались — впоследствии, уже в 1880-е годы, он будет страдать катаром гортани.

Серьезно подорвала его здоровье служба в глухих уголках Турецкой империи. Племянница вспоминала о том, что зимой 1869/1870 года Леонтьев «заболел лихорадкой, <ото>рая для него была роковой болезнью» (6, 2, 100). Там была нажита и выявленная позднее в Москве доктором Боковым запущенная болезнь печени (см.: 11, 2, 31, 34). Еще до религиозного обращения, в 1860-е годы, видимо, в Константинополе, был подхвачен сифилис.¹⁵ В июле 1871-го, когда началась эпидемия холеры, с Леонтьевым произошел известный, можно сказать «экзистенциальный», эпизод болезни и чудесного исцеления, после которого он и отправился на Афон во исполнение своего обета.¹⁶ «Это не была холера... это высшее указание», — рассказывала в 1925 году М. В. Леонтьева С. Н. Дурылину.¹⁷ В начале пребывания на Афоне Леонтьеву по делам службы дважды приходилось приезжать в Салоники, и после второй такой поездки лихорадка была настолько сильной, что он возвращался на Афон с мыслью, что направляется умирать (см.: 6, 1, 129). Понадобилось даже остановиться надолго в Зографском монастыре, не доехав до русской обители.

После тяжелой зимы 1874/1875 года, проведенной в качестве послушника в Николо-Угрешском монастыре, Леонтьев снова, как в юности, начал

¹³ Александров А. А. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 359.

¹⁴ Ср.: «...грудь как-то слаба, но все же лучше московского гораздо» (11, 1, 34).

¹⁵ О лечении у доктора Л. С. Медведева, врача московской Лечебницы для приходящих немущих больных, см.: 11, 2, 125, 126, 135–136, 139, 622. Современный исследователь, впервые затронувший тему недугов Леонтьева по поводу их влияния на его мировоззрение, замечал как раз по сходному поводу: «...нужно ли обо всем этом писать? Думается, нужно...» (Жуков К. А. Восточный вопрос в историсофской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 16).

¹⁶ См.: Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Литературный сб. СПб., 1911. С. 71–77.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.

кашлять кровью. «Изнеможение мое было крайнее. — Врачи откровенно говорили, что не знают — может быть, у меня чахотка» (6, 1, 240). Но через месяц «врачи все сказали, что это не чахотка, а одышка, а крови вышло немного, оттого, что ткани слабы и я особенно февральскими подвигами изнурен очень» (11, 1, 423). В 1878 году одна болезнь помешала Леонтьеву продолжить хлопоты о возвращении на дипломатическую службу, а потом другая — доехать до Константинополя, куда он было направился в качестве корреспондента «Московских ведомостей» (см.: 11, 2, 221–223). Зимой 1886-го он едва не умирает («...был положительно при смерти...»; 12, 1, 200) в Москве от осложнений инфлюэнцы и гнойного заражения крови (12, 1, 198, 285). Еще до этого его постигло тяжелое, почти не поддававшееся лечению кожное заболевание, вызывавшее кровоточащие язвы на ладонях и ступнях. Катар гортани привел к тому, что Леонтьев не мог выходить на улицу без респиратора, начиная с первых осенних заморозков. (В цензурном комитете понимали эту проблему и позволяли ему в таких случаях не посещать проходивших дважды в неделю заседаний, отмечая, тем не менее, в журнале его «присутствие».) Леонтьев насчитывал у себя то 4–5 чередующихся, то даже 10 болезней, опасался даже паралича, но особенно беспокоило его сужение мочевого канала (он думал, что умрет от уремии; см.: 11, 2, 457; 12, 1, 101; 12, 3, 155–156). Множество жалоб на болезни содержится в его письмах к друзьям, даже к женщинам, как, например, к О. А. Новиковой (см., в частности: 12, 1, 58).

Что можно сказать о Леонтьеве как пациенте? Будучи сам врачом, он уважал коллег, но часто и спорил с ними. Впрочем — не о методах лечения, а о вопросах мировоззренческих (ср.: 11, 2, 135–136). Мог говорить и о своем неверии в могущество и торжество науки. Она, считал Леонтьев, должна помнить свое скромное место: медицина может лишь слегка облегчать страдания, но не избавить мир от них. Ср. в записках: «Я не верю особенно в Медицину...»; «это все условно и сомнительно...», «но надо по крайней мере стараться не убивать больных...» (6, 1, 57). Неоднократно он повторял слова великого Н. И. Пирогова: «Самые хорошие врачи едва-едва колеблют среднюю цифру смертности» (см., например: 7, 2, 19). Назначения, однако, аккуратно выполнял,¹⁸ был приверженцем аллопатии (всячески уклонялся от советов Т. И. Филиппова прибегнуть к помощи гомеопатов), приобретал необходимые приспособления вроде респираторов, пульверизаторов, каких-то особых, издаലെка выписываемых катетеров и проч. Один из лечивших Леонтьева врачей (А. С. Парцевский, приятель опекаемого Леонтьевым в то время драматурга Н. Я. Соловьева) даже оставил воспоминания о нем,¹⁹ в которых, впрочем, деликатно не касался медицинских аспектов.

Тема врачей и пациентов широко отражена в творчестве Леонтьева-беллетриста. Рамки статьи заставляют ограничиться лишь беглым перечислением.

1. Герой незавершенного и несохранившегося раннего романа «Булавинский Завод» (1851–1852) — скромный доктор Руднев, мечтающий быть полезным бедным. Этот персонаж будет затем перенесен в роман «В своем краю». В обоих случаях это сирота, к тому же большой грудью, как и сам автор. «Я сделал Руднева любящим медицину, как полюбил бы, вероятно, ее и я, если бы мечты об искусстве не охлаждали меня к ней» (6, 1, 39).

2. Об образе лекаря Михайлы Григорьева в повести «Лето на хуторе» (опубл. 1855) уже упоминалось выше. У него с успехом лечится декохтом из пырея, одуванчика и цикория главный герой этого произведения, молодой учитель.

¹⁸ «Все больше и больше на докторов и лекарства трачу...» (12, 1, 204).

¹⁹ Парцевский А. С. К биографии К. Н. Леонтьева // Известия Одесского библиографического общества. 1912. Т. 1. Вып. 7. С. 255–260.

3. В рассказе «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» (1857) описано госпитальное отделение с двумя врачами и смотрителем, точно такое, в каком служил и сам Леонтьев. Запоминаются образы молодого доктора Федорова²⁰ и безграмотного и всегда «нетрезвого» главного лекаря Григория Ивановича, занимающегося махинациями со статистикой смертности. Федоров — «деятельный», «оператор <...> лихой», «весело и умно мирился с своим печальным ремеслом» (1, 253, 252, 250). «На деятельность его нельзя было не любоваться» (1, 248). В то же время он вызывает какое-то отвращение: «Много болтает и хвалится... А ума мало» (1, 256), подобострастен к высшему начальству, берет взятки — и главное: к неудовольствию повествователя и главного героя очерка заявляет, что «всякий врач космополит» (1, 262).

4. На рубеже 1850–1860-х годов Леонтьев работал над романом «Война и Юг» (не сохранился), в котором, возможно, собирался использовать собственные воспоминания военного врача.

5. В романе «В своем краю» (1861–1863; опубл. 1864) Леонтьев «разделил» свои качества между противоположными по характеру героями Василием Милькеевым и Василием Рудневым. Автобиографические черты второго персонажа: отвращение от медицины при учебе (когда герою открылись «язвы» большого города), увлечение физиологией мозга и краниоскопией. В образе Руднева воплощены представления Леонтьева об идеальном враче — скромном альтруисте, желающем помогать людям. Разнообразны пациенты в романе — от безграмотной старухи, путающей «бинт» и «винт» (она кричит, что «над ноженькой своей баловать не даст»; 2, 21), до просвещенной графини Новосильской, чьим прототипом была баронесса М. Ф. Розен. Есть — для контраста с главным героем — и образ врача-стяжателя Воробьева.

6. Эпизод с посещением прозекторской военного госпиталя в Симферополе содержится в повести «Исповедь мужа» (1864, опубл. 1867). Рассказчик неприятно поражен поведением одного из врачей: «...молодой, почти дитя, белый, розовый, кудрявый, дерзко облокотился на груп...» (2, 360).

7. Несколько колоритных образов врачей-греков, учившихся в Европе, встречаем в цикле «восточных повестей», к которому примыкает и самое крупное произведение Леонтьева-беллетриста — роман «Одиссей Полихрониадес» (1871–1878). Не любивший Восток доктор Петропулак в повести «Пембе» (1869), воспитывавшийся в Париже и Германии, «человек крайне нервный» (3, 95). Не названный по имени доктор-вития, любитель старины, большой русофил, патриот, но хорошо применяющийся и к туркам (кефалонит, он поселился в Турецкой империи), в повести «Аспазия Ламприди» (1871), «образованный, умный, очень живой и страстный ритор» (3, 250). Скромный и серьезный Арванитаки, больше похожий «на германского профессора, чем на грека» (4, 268), и напоминающий итальянца (и учившийся в Италии) бурный и подвижный Коэвино в «Одиссее Полихрониадесе». (Последнему посвящено несколько глав.) На страницах первой части романа появляется загорский «эмпирик» (т. е. такой же примерно самоучка, как русский Михайло Григорьев) «добрый старичок Стилов» (4, 55). Наконец, в повести «Сфакиот» (1877) активное участие в развитии действия принимает «лучший доктор в городе и у паши в большом уважении» (3, 552) критянин Вафиди, обладающий тонкими дипломатическими способностями (может ладить с пашой) и осуждающий «анафемский и ослиный фанатизм» греков (3, 640). Он заявляет: «...люблю свою родину и свой народ; но ненавижу тех,

²⁰ Его прототип — Василий Владимирович Лотин (1833–1901), который впоследствии станет основателем Казанского военно-санитарного общества. Отзывы о нем в письмах Леонтьева к матери см.: 11, 1, 50–51, 57, 142.

которые пустословят из тщеславия и вредят этим народу, возбуждая его нектати...» (3, 558). Пациент этого доктора — герой-рассказчик, сфакиот Яни, которого Вафиди спас после попытки самоубийства.

8. В романе, стоящем между «восточным» циклом и «русской» прозой Леонтьева, в «Египетском голубе» (1881–1882), среди малых персонажей выделяется богатый доктор болгарин, учившийся в Италии, «простой сердцем, прямой, с виду угрюмый и осторожный, но пылкий в сочувствиях своих, религиозный...» (5, 255) Чобан-Оглу, реальным прототипом которого был адрианопольский врач Иван Найденович (1821–1877), впоследствии вынужденный эмигрировать в Грецию (комм. о нем см.: 11, 1, 635). Данный персонаж раскрыт не со стороны своей медицинской деятельности, а как носитель определенных политических убеждений — это апологет присоединения Фракии к России.

9. В романе «Две избранницы» за лекаря выходит подруга главной героини, «нигилистка» Варька. За этим стоит история свояченицы К. Н. Бестужева-Рюмина Варвары Васильевны Ешевской, в замужестве Берг (1842–?).

10. В незавершенном автобиографическом романе «Подруги» в эпизоде кончины Сергея Львова, отца главной героини Сони Львовой, рассказана реальная история болезни и смерти брата Леонтьева, Владимира Николаевича.²¹ Львова лечили два доктора. Первый, «земский врач — старый поляк Подхайский — очень опытный, очень ловкий и добросовестный» (5, 481), поставил правильный диагноз и назначил лечение, которое принесло лишь новые страдания. Вызванный молодой врач, которому прогрессист-пациент верил больше, отменил диагноз и назначил совсем другое лечение, что и погубило больного. Когда начинающий доктор понял свою трагическую ошибку, было уже ничего не поправить.

Отдельного рассмотрения заслуживает «медицинский пласт» в мемуарно-автобиографических произведениях Леонтьева. Здесь следует назвать первую часть записок «Моя литературная судьба», позднее переработанную для очерка «Тургенев в Москве» (1887), и упоминавшийся выше очерк «Воспоминания о Ф. И. Иноземцове...» с яркими портретами Иноземцова, А. И. Овера и других профессоров Московского университета и с юмором описанными эпизодами собственного студенчества. Реальное лицо стоит за образом доктора-итальянца в очерке «Разбойник Сотери» (1884): «...молодой итальянец <...> не глупый, очень вежливый, любезный и, в хорошем смысле слова, простой <...> румяный и веселый» (6, 1, 415). Этот врач из города Кавала однажды оказал Леонтьеву помощь во время его путешествия по Македонии. В очерке «Сдача Керчи в 55 году» (1887) Леонтьев снова обратился к своим воспоминаниям военного лекаря. Здесь уже под своим именем (лишь сокращенным до «Л-н») действует доктор Лотин, послуживший прототипом Федорова в рассказе «Сутки в ауле Биюк-Дортэ». В качестве малых эпизодических персонажей фигурируют другие реальные лица — лекарь Керченского центрального карантина мальтиец Крокко (в России его звали Кармил Михайлович)²² и сослуживец по керчь-еникальскому госпиталю пруссак Бутлер — один «из тех пруссаков, которые приехали к нам служить и лечить в действующую армию» (6, 1, 662). По эпистолярному наследию Леонтьева мы знаем имена двух его приятелей-врачей, с которыми он общался в годы

²¹ О В. Н. Леонтьеве см.: Фетисенко О. Л. Братья Константин и Владимир Леонтьевы в изданиях А. А. Краевского // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб., 2020. Вып. 1. С. 46–57.

²² Сохранилось одно его письмо к Леонтьеву: Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 292.

дипломатической службы. На Нижнем Дунае это доктор Дмитрий Эпштейн, а в Константинополе — болгарин, врач русского посольства Васил Костов Караконовский (в написании Леонтьева — Каракановский; 1840–1905).²³ Как удалось установить, самые крупные замыслы Леонтьева — «Византизм и Славянство» и «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» — начались в форме писем, обращенных именно к молодому и либерально настроенному болгарину — чтобы спорить с ним и переубедить.

Именно в этих книгах, а позднее и в других работах Леонтьева в характеристике «болезней» современного общества начинает активно использоваться медицинская образность. Приведу несколько примеров: «Явления эгалитарно-либерального прогресса <...> сходны с явлениями, напр<имер>, холерного процесса, который постепенно обращает весьма различных людей сперва в более однообразные трупы (равенство), потом в совершенно почти схожие (равенство) остоны и, наконец, в свободные (относительно, конечно) азот, водород, кислород и т. д.»; «...почему же холеру не назвать по имени? Зачем ее звать молодостью, возрождением, *развитием, организацией?*» (7, 1, 384). В том же «Византизме...» содержится рассуждение о «субъективности» признака боли. Гангрена — безболезненна, но «сводит <...> в гроб в несколько дней» (7, 1, 388), и подобную «*болезнь* предсмертную хотя бы считать идеалом *гигиены* будущего» (7, 1, 394–395). Европа «приняла жар изнурительной лихорадки за прорезывание младенческих зубов» (7, 1, 423). Французская революция заменила «тихую сухотку — *восторженной холерой демократии и всеобщего блага!*» (7, 1, 429–430). В «Среднем европейце...» вновь задействован образ «антонова огня» (гангрены; 8, 1, 189).

В статьях из «Варшавского дневника» (1880) тоже находим и холеру (7, 2, 14, 252), и «„чумное“ *веляние* <...> духа времени» (7, 2, 142), и «внутреннее худосочие», вызывающее «ужасающие язвы» (7, 2, 12), и аксиому: «Сходные организмы страдают сходными болезнями» (7, 2, 60). В поздних работах Леонтьева снова встречаем метафору «либеральной горячки», заражения «„бактериями“ западной демократии» (8, 2, 584) или такой неожиданный — учитывая расхожее представление о Леонтьеве-«ретрограде» — и актуальный для наших дней образ: освобождение крестьян он рассматривает как «весьма рискованное, но вместе с тем и спасительное привитие искусственной болезни для предотвращения более опасного естественного недуга...» («Культурный идеал и племенная политика», 1890; 8, 2, 46).

Наиболее же известный, можно сказать, хрестоматийный пример использования Леонтьевым медицинской образности и терминологии в историко-философских сочинениях представляет собой объяснение теории триединого процесса развития в книге «Византизм и Славянство» на примере развития очага пневмонии (см.: 7, 1, 375–377). Для автора трактата выбор этого примера из множества возможных оказался пророческим: 12 ноября 1891 года Леонтьев (уже монах Климент) умер в Новой Лаврской гостинице в Сергиевом Посаде именно от острой пневмонии, которой закончилась обычная простуда, вызванная непривычкой писателя к паровому отоплению. Леонтьев не придавал значения высокой температуре, думая, что речь идет лишь о приступах лихорадки, и не стал обращаться к коллегам-врачам. Как трагично теперь звучат слова, завершающие последнее из выявленных его писем: «...принял 12 гр<амм> хинина; теперь голова плоха. — Будьте здоровы» (12, 3, 240).

²³ В 1872 году посол Н. П. Игнатьев, удивленный долгим пребыванием консула Леонтьева на Афоне, поручил этому доктору тайно освидетельствовать его психическое состояние. См.: 11, 1, 706.